

Лариса КОВАЛЕВСКАЯ

18+

САНИТАР
МЕГАПО
ЛИ
СА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Симпатичное произведение

Лариса Алексеевна Ковалевская

Санитар мегаполиса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57209795

SelfPub; 2020

Аннотация

Все мы знаем санитаров леса. Знакомимся с Санитаром мегаполиса! Санитар мегаполиса – это симпатичное произведение о попытках любовных походов плоскостопика, подслеповатика, программиста и просто ВСДэшника Дмитрия, который всё время ищет девушек с ГМО или слишком Organic. О чём именно это произведение ты сам(а) решишь, когда прочтёшь. А если ты обиделся(лась), что автор к тебе на ты, а не на Вы – это глупо. Как там к Богу обращаются? На ты. Как к другу. Открывай книгу – находи друзей! После прочтения выпей какао! Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора. Содержит нецензурную брань.

Глава 1

– Да... Чуда не произошло. Здесь тоже всё «не ахти». Но, по крайней мере, рожицы у них не такие надменные, как у тех, в педагогическом институте. Эти просто выглядят немного туповато... Точнее, выглядят никак, выглядят просто, что тоже противно. Ха! Динон, смотри. Ты когда-нибудь могла себе представить овечку Holly Dolly проституткой?! Нет? Так и не надо. Не представляй, а фотографируй скорей!

– Ага. Остановись, мгновенье,– ты прекрасно... будешь смотреться в рекламе «Развратный молочник»! Да... Действительно похожа.

– Как можно ходить в короткой синей джинсовой юбке, колготах в сетку и красной кофте со стразами, имея лицо... нет, прости, мордочку Holly Dolly? Да она же сейчас испоганила образ этого чистого существа, моего любимого персонажа! У меня даже рюкзачок-игрушка есть Holly Dolly. Теперь придется его сжечь. Вообще, кто она такая? Почему с ней все здороваются? Что, здесь все такие культурные? Или ректор американец?! И в уставе этой «богадельни» написано, что все должны изображать радость и уважение друг к другу?

– Нет, не угадала. Это преподша по истории русской литературы. Причем твоя преподша. Я ведь, слава Богу, не с тобой учусь. Я же «оздоровитель природы». Эколог. Хотя пока еще не эколог. Еще три года проучиться, а потом придется

бить детишек по голове и по рукам, когда они вдруг позволят себе обрывать цветочки-лепесточки. Именно так я собираюсь оздоравливать природу. А вот ты...

– Да погоди еще! Может, я тоже здесь не останусь учиться.

В эту секунду из кабинета ректора вышел мой папа. Поздравил меня с поступлением сюда. И сказал:

– Вот теперь ты студентка филфака! Еще в школе мы с мамой и твоими учителями определили твою судьбу! Ты же так любила исписывать парты гаденькими замечаниями, изощренными оскорблениями. Так что – пожалуйста. Мы все надеемся, учеба здесь подкорректирует твою речь, то бишь превратит язвительные конструкции в поэтические обороты.

– Взрослый наивняга! Ты что, преподавателей не видел? Нет, ну дурацкий вопрос, я понимаю. Ты же вообще ничего не видишь! У тебя зрение минус пять, а ай-кью адекватного восприятия мира (если бы, конечно, такая шкала существовала) минус сто пять. Кто меня здесь чему-нибудь приличному научит? Развратная Holly Dolly?

– Кто? Ладно, Ника, все. Ты будешь учиться здесь. Без разговоров.

Отец сел в машину и уехал.

– Сглазила ты меня, Динэль. Я попала. Хотя еще неизвестно... На этом всем можно заработать денег. Под «этим всем» я имею в виду преподавателей. Пока преподавателей, ведь мы еще моих однокурсников не лицезрели.

– Как на них можно заработать? Ты чего? Веками все было

наоборот. Они на студентах зарабатывали.

– Значит, закончились эти «века». Естественно, с моим приходом сюда закончились. Ты отлично знаешь, что мой дядя просто повернут на всяких несуразных личностях. И на роль главных персонажей своих рекламных роликов вечно берет каких-то пустоголовых домохозяек с пучком грязных, недокрашенных волос на башке, типа: «Мужичу ты своему постирай трусы, носки, чтоб ходило это ЧМО по полам душистым в свеженьких носках и валялось на диване в чистеньких трусищах, чтобы ты, КОБЫЛА-ДУРА, завтра на уборку дома не теряла ни секунды, а пошла бы жрать сварила, пока чисты трусы, носки! Не колебайся ни минуты, ведь найдется на ТВОЕ тот же час для постирушек десять баб по сто кило! Ты же знаешь, в Украине дорого купить зверушку, так беги за порошочком, пока duty-free ТВОЕ жрет твою картошку!»

Или реклама для жеманных идиоток, у которых рожи покрыты автозагаром, тональным кремом, пудрой... в общем, весь каталог «Avon» на фейсе: «Наложите нашу косметику на свое лицо – и оно мгновенно преобразится! Конечно, некоторые могут просто наложить, глядя на вас, но малярам вы точно понравитесь».

Также дядя находит каких-то селян, небритых, неприятно пахнущих, в нечищенных башмаках: «От вас все еще пахнет навозом?! Не расстраивайтесь! Помойтесь нашим гелем для душа! Он, может, не поможет, но мыться все равно надо –

так сказал Минздрав!»

Я все думала: где он их находит? А с этого момента ему не придется никого искать. Кастинг-директором буду я! Деньги платят приличные. Кстати, что это за мужик мелькнул – тот, с которым мы ехали в лифте. Такой «пахучий». И в костюмчике с заплатками на локтях. Похож на бухгалтера. Того времени. В смысле давности пятидесятилетней. Отменно подошел бы для социальной рекламы. Представь: в своем пиджаке сидит он в тюрьме – и надпись по экрану большими буквами: «НЕ ВОРУЙ – ЧРЕВАТО!»

– У тебя будет еще время это с ним обсудить, ведь он твой куратор по воспитательной работе. И пойдем домой. Нужно отдохнуть. Вечером встречаемся с друзьями. Надурачишься еще – Дима придет.

– А-а-а! Наш санитар мегаполиса явится. Тогда действительно надо отдохнуть!

– Ник, объясни, почему Дима – санитар мегаполиса. Откуда прозвище? Я, конечно, понимаю, что только ты можешь такое придумать, но ведь это должно быть мотивировано.

– Уважаемая госпожа Динэль, Динон, мой милый кудрявый динозаврик в бусиках на зимнем свитере, я никогда никому не даю немотивированных прозвищ и обзываю лишь по делу или за дело. Так вот: волки – санитары леса, поскольку они подбирают всякую падаль, и еще потому, что все никчемное выедают или хотя бы держат «в тонусе» лес. И Дмитрий наш постоянно находит, знакомится, не знаю – подби-

рает (но не ест их, хотя лучше бы ел) где-то таких девушек, с которыми ни один нормальный не познакомится: это какие-то проститутки, наркоманки, психопатки, ЭМО! Живет же он в нашем прекрасном экологически катастрофическом (из-за девушек с «ГМО») городе, а не в лесу (пока что. Кто знает, что ему «очередная» вобьет в голову), поэтому – санитар мегаполиса.

– Не могу поверить, что он твой брат.

– Двоюродный! Делай, пожалуйста, акцент на «двоюродный», пока он не встретил хорошую девушку.

– Ладно, по домам. До вечера.

– Пока.

Глава 2

Мы не видели друг друга два месяца, за которые много чего произошло. Об этих событиях ты, мой уникальный человек (а ты действительно уникальный, раз потратил деньги на книгу и сейчас ее читаешь, тем самым тратя еще и свое время – в наше то время! Молодец! Не пей и не кури – и будет тебе счастье! А коль счастья не случится, то хоть изо рта вонять не будет. И это плюс, ведь не надо тратить денежку на жвачки, одним словом – экономия!), – об этих событиях ты узнаешь немного позже.

А сейчас мы все собрались у Динэль дома. Мы – это Василиса (Лиса), девушка маленького роста, такого же ума, но

с огромным (не волнуйся, не с физиологической точки зрения) и добрым сердцем; Дима – мой двоюродный брат, он же санитар мегаполиса: невысокий, синеглазый паренек, который каждый день празднует День ВСД – вегето-сосудистой дистонии, так как в армию все равно никогда не попадет из-за этого и из-за плоскостопия. Никогда не отпразднует День ВДВ. Проще говоря, он ВСДэшник. Как и я. А может быть, и ты. Понимаю. Сочувствую. И, конечно же, я, Ника, напыщенная, мажорная с виду девушка, но скромная и добрая внутри. Мою скромность и доброту выдают мои чистые и светлые глаза, а вот мою показушную напыщенность – татуировка на запястье, сделанная в виде браслета из ягод-бусин шиповника. Почему шиповник? Подумаешь – бред, но это, увы, не так: просто шиповник колючий, выглядит не очень, но зато полезный и вкусный. Так вот шиповник – это я. Стоп. Простите. У нас же еще осталась хозяйка квартиры – Динэль (а то я сразу о себе. Эгоизм. С кем не бывает). Ей всего двадцать, а выглядит на тридцать, а если поговорить с ней, то, как минимум, на семьдесят. За свои годы она многое и многих повидала. И сейчас из-за этого ей кажется, что жизнь уже прожита. Она очень странный и интересный человек: слушает шансон и декламирует стихи русских и украинских поэтов, но при этом ругается матом, как слесарь, который чинит прорвавшуюся канализацию: его заливают – и заливают не водой, как вы понимаете. Носит Динэль зимой грубые свитера, но обязательно надевает на них летние разноцвет-

ные бусики.

И еще: в этой книге матюков ты не прочтешь! Потому что их не любит автор, а мы (персонажи) все зависим от автора. Что поделаться. Времена такие... были, есть и будут. Все от ко-го-то зависят. Конечно, можно взбунтоваться. Но не будем. Пока нас все устраивает. Нравится автор. Она симпатичная. А насчет матов – автора можно понять. Вот стань перед зеркалом и выматерись хорошенько. Только не играя матерись. И тогда сам все поймешь.

Возвратимся к нам. Мы все разные, но нас объединяет то, что мы все очень странные. Нам комфортно вместе. Мы понимаем друг друга.

Объединяет нас и то, что мы пьем какао. Да, мы не пьем алкогольных напитков, и при этом нам всегда весело. А не пьем алкоголь, потому что все мы – эгоисты. Ну уж очень себя любим и заботимся о своем здоровье. Так вот: сегодня, как обычно, мы хотели посидеть попить какао, посидеть от смеха, услышав очередную историю Димки о его очередной пассии, прослушать поэзию от Динэль, послушать то, как эти стихотворения, стихотворные произведения, проще говоря – стишата, воспринимает Лиса, и выслушать мои критические замечания по поводу всего происходящего.

– Сегодня встречался с Таней. Я долго был недоволен тем, что плохо вижу. Сетовал на природу, родителей. Хочу оповестить: нареканий по этому поводу больше не услышите. Сегодня я понял, что плохое зрение экономит деньги.

Мы тупо смотрели на Диму.

– Я знаю, что ты жлоб. Или, как сам себя величаешь, экономный, хозяйственный, хотя в твоём случае понятия «жлоб» и «экономный» – синонимы. У тебя не бывает покупных тетрадей и ручек. Ты ручки и блокноты тыришь в аптеках, да и тетради у тебя все акционные, – сказала я.

– А ведь чего стоят надписи на тетрадях. Вроде: «“Гуталакс” – мгновенное избавление от запора». А на ручках? «“Импаз”». Скажи импотенции нет!» Сама видела! – сказала Динэль, заливаясь смехом.

– И как с тобой девушки после этого знакомятся?

– Ника, не забывай, какие с ним девушки знакомятся!!

– Дина! Ника! Диченки! (да, именно «диченки», а не «девчонки»! Лиса иногда не все буквы и звуки любит выговаривать, не любит быть филологически безукоризненной). Дима же начал говорить про экономию! А вы... прикалУ-ЕТЕСЬ! – сделала замечание Лиса и недоуменно на нас посмотрела.

– Да. Действительно. Так как же ты умудрился сэкономить, братишка?

– Выражаясь «философски», как порадовал золотого жлобца своей души?

– Дин, вот сколько я ни читал суждений, но жлобца там точно не было. Да я даже и не слышал такого!

– Вот дебилище! Это я сама придумала сейчас – глядя на тебя, конечно! Золотой жлобец – производное от «золотой

телец», символ поклонения деньгам. Я специально так сказала. С претензией на оригинальность или гениальность.

– Дин, ты у нас просто с претензией!

– Дима! Дина! Не ссорьтесь! Я вас всех люблю, но давайте пусть Дима продолжит! – сказала Лиса.

Вообще, мы обычно не ссоримся, не ругаемся. Конечно, у нас, как и у всех людей, бывают свои разногласия. Но, к счастью, без скандалов. Когда мы собираемся вместе, мы просто подшучиваем друг над другом. Исключительно любя. Наши шутки лишены негативного оттенка, злобы. Лишь Лиса иногда слова воспринимает почти буквально. Поэтому, когда мы начинаем расходиться по домам, Лиса, переживая, спрашивает: «Вы же не обижаетесь друг на друга?» Мы уже давно к этому привыкли, и нас это даже немного веселит.

Дима продолжал:

– Да. Завидуйте. Я сэкономил! Сегодня утром я проснулся у Тани. Встал. Оделся. Вышел на улицу, пошел по магазинам. Купил одну программку для работы за компьютером. Еще так удивился и обрадовался, что мне дали в магазине в подарок флэшку. Сказали: «Это вам как самому удивительному покупателю». В чем моя удивительность? В том, что похож на российского актера Даниила Страхова? Но, придя домой, понял: так, да не так. Оказалось, у меня все лицо в косметике: косметике, размазанной по лицу! У Тани ведь и тени синие, и помада красная, и тональный крем темный такой! Я же вчера этого не заметил, очки дома забыл. А пришел и,

глядя на себя в зеркало, допер, в чем моя удивительность. Плюс нехитрыми умозаключениями восстановил в своем сознании вчерашнюю Танину внешность, то есть что и где у нее было намалевано, нарисовано!

– А сэкономил-то на чем? – хором спросили мы.

– Как на чем?! Если бы я не забыл очки, то пришлось бы вызывать такси, кутаться в шарфик, заматывая лицо. Бояться, стесняться. А так и денег на такси не потратил, и флэшку на халяву получил!

По комнате разлился смех.

– Экономия – это хорошо, – сказала я, – но думаю не в этом случае. Явно, продавцы магазина тебя сфотографировали и – сто процентов – уже выложили твое фото в Интернете. Естественно, как-нибудь подленько подписав!

– Ника, да хорошо, что его не избили. Подумали бы, что извращенец, и избили бы! – добавила Динэль.

– Диченки и мачишка! Все пока нормально. Я лучше пойду включу компьютер. Посмотрим, может, там правда Дима есть.

Лиса медленно, как всегда, стала искать «новинки» на сайте. И нашла. На одном красовалась фотография Димы. И сайт этот был для геев.

– Сэкономил?! И на что ты копишь?

– Ника, я коплю на машину.

– У тебя же пока только копеечные подработки! Откладываешь по полкопейки? Подрабатываешь фотографом. А

заказов-то мало сейчас. Денег практически нет. Как там в анекдоте? «Вот так всегда! Копишь, копишь на яхту и дом на морском побережье... А тут не выдержал, сорвался. Купил сникерс и кока-колу!»

В эту секунду в туалете раздался шум, шум воды. Все перепугано побежали смотреть, что случилось. Оказывается, прорвало трубу. Мы затапливали соседей снизу. Дина бросилась вызывать «аварийку». До ее приезда мы дружно меняли ведра, выжимали тряпки... Донельзя ухудшилось настроение. Кстати, ровно два месяца назад у Динэль была такая же ситуация. Но тогда мы скинулись, чтобы слесарь заменил старую трубу на новую. Плюс новый кафель. А этот бухарик, оказывается, чего-то намутил! Грустно было, что теперь уж не сможем помочь Дине. Денег ни у кого не было.

Через полчаса приехала «аварийка». Перекрыли воду. Сказали, что завтра слесарь залатает трубу. И еще добавили, что новую не надо было покупать вообще:

– У вас дом старый, молодые люди. Менять трубы надо у всего дома, а не в одной квартире. Это все равно, что в семье алкоголиков лечить только одного из членов семьи. Сорвется! А в вашем случае прорвется. Зря деньги потратили.

– И что мне теперь – без стены жить? И кафель тоже класть нельзя? – завопила Динэль.

– Можно, если согласна менять его каждые пару месяцев. Прорывать будет постоянно.

Аварийщики уехали. Но о их визите еще долго напоминал

«шикарный аромат».

– Да... Это вам не «Chanel»,– сказала я.

– О чем ты говоришь. Это даже не советская «Гвоздичка».

Одеколон такой, «Гвоздика», был,– уточнил Дима.

– Дина, ты не расстраивайся! Мы что-нибудь придумаем! – успокаивала Лиса.

– Да. Завтра придем!

– Ника, спасибо! Всем спасибо!

Динэль закрыла за нами двери. Лиса пошла домой, так как очень устала, а мы с Димой решили прогуляться по ночному городу. Была зима, но не холодно. Всего минус два градуса.

Я спросила:

– Как родители? Отец до сих пор не разрешает тебе встречаться с девушками?

– Не разрешает. Все после того случая с Олей...

– Я уже смутно помню – что там было?

– Мне тогда пятнадцать исполнилось. Она моя одноклассница. По виду – ничего. Странностей никаких не замечал. Стали встречаться. Привел домой. Оставил ее сидеть в комнате, а сам пошел на кухню чай заваривать, торт резать. Кричу из кухни: «Тебе там не скучно?!», а она мне: «Нет! У тебя там столько всего, столько дел!» Я еще удивился. Думаю – каких дел? Режу торт, слушаю – притихла. До этого шумела. Захожу в комнату с чаем. И офигел! Исчезла вся мамина косметика. Я это заметил, потому что у мамы ее очень много и она стоит всегда на таком специальном дамском столике.

И что меня больше всего поразило – нет матраса на кровати. Белье и покрывало были перенесены на кресло.

– Так она что, все это украла? А на кой ей матрас? Ну, косметику – еще можно понять...

– Лучше бы украла. Она это все выбросила! Слышу – дверь входная открывается. Заходит. Говорит: «Нравится? Это я специально все выбросила. Избавила тебя и твою семью от вредных вещей!» Я стою. Молчу. Не могу оправиться от шока. Она продолжает: «На матрасе спать плохо для спины! Он был слишком мягкий! Спать надо на жесткой поверхности. И косметика не нужна. Портит кожу! Вообще, женщина должна быть природной, зачем искажать свою красоту химией!»

И тут заходят родители. Папа говорит:

– Димон, мы с мамой сейчас так смеялись. Стояли возле дома, с соседями разговаривали. Видим: из нашего подъезда девчонка выбегает с матрасом. И говорит: «А вы очистили свои квартиры от ненужных вещей?!» Кстати, мать, смотри! Это же та самая девчонка... Вы наша новая соседка?

Я учтиво и по-быстрому выпроводил Олю, пока родители не разулись. Принял весь удар на себя. Сам виноват. Ведь это я привел ее домой. Когда папа с мамой зашли в комнату – замерли. Минут десять стояли. А чуть отошли – так мне вlepили! Короче говоря, летал я по комнате, как Дюймовочка под потолком. С тех пор отец и не разрешает никого приводить домой.

– Его можно понять. Знаешь, все твои проблемы с девушками скорее от того, что ты до двенадцати лет верил в Деда Мороза.

– Не включай психолога. Да, верил. И что тут такого?

– Ни фиги себе, что! Да наивный ты ужасно. Ты в дедах морозах разобраться не мог тогда, а в людях сейчас и подавно.

– Все! Ну тебя! Расходимся.

– Угу. Завтра рано в универ вставать. А пойдешь на свидание с Таней, будь аккуратней.

– Уж обязательно пойду! Я не могу бросить девушку после проведенной с ней ночи. Я благороден.

– Ну, тут позитив хотя бы в том, что Таня пользуется косметикой... чересчур, конечно. И, как я понимаю, спит на матрасе. За это можно не бояться. И все равно будь умницей.

– Да нормальная она! Уверен. Спокойной ночи.

– А тебе лучше не ночи спокойной, а спокойного свидания.

– Спасибо.

– Бог в помощь.

На улице была приятная погода. Падал снег. Но все же дома лучше. Хорошо, когда у тебя есть дом. А еще лучше, когда в нем кто-то есть, потому что дом без родителей, друзей и всякой мохнатой живности – это все равно, что ночное небо без звезд: красиво, только смотреть на него долго не хочется. А если рассуждать приземленно, то пустой дом,

как продуктовый магазин без продуктов: он есть, он стоит. Только идти в него бесполезно, незачем.

Глава 3

Сегодня с утра я с Лисой была в университете. В аудитории, посмотрев на наш курс и преподавателя, невольно вспомнила слова из фильма «Космические яйца»: «Як роззирнуся навкруги – а навколо одні дупи, дупи...» Мы сели за последнюю парту, потому что обзор хороший. Видно все и всех. Лекция по истории украинского языка предельно скучна. Единственное, что веселило – это неуклюжий вид лектора, а также его не менее неуклюжие изречения. Он невысокого роста, толстоват. Нос не римский, картошкой. Но на голове веноч – не лавровый, конечно, а из волосиков. То есть оратор практически лысый, лишь вокруг головы красуется волосяной кантик. В глазах же – поэтическая придурь. Красавчик! А фразы... просто затмевают красоту. Например: «Усі, хто будуть прогулювати лекції, отримають по “Е”балу». Отлично звучит!

Еще, как оказалось, он любитель пословиц. Не договоренных до конца пословиц: «Як-то кажуть, баба з возу... так і кажуть».

Также он не различает женских и мужских имен: «А хто це відсутній у нас? Маша Плісецька? Який цікавий хлопець! Пропускає лекції».

У вас сейчас, наверное, создалось впечатление, что нашему преподу, как минимум, девяносто лет? Но нет. Ему под сорок. Он просто не туда попал. Всего-навсего.

Еще очень веселили внезапные вопросы Лисы, которые были совершенно не по теме. Например:

– Кто такие атеисты?

– А что, препод об этом сейчас говорил?

– Нет. Просто я это слово по радио услышала, три дня назад. Кто это такие?

– Понятно. Это люди, которые не верят в существование Бога.

– Вот как? Спасибо.

Через несколько минут:

– Ника! – шепотом. – А кто такие женщины легкого поведения?

– О Господи! Так называют проституток.

– Да? А я думала, что это такие женщины, у которых хороший характер, приятное поведение, с ними легко.

– Отчасти ты права. Что с ними сложного? Деньги заплатил – и легко!

– Спасибо. Буду знать. Давай слушать вот этого дядечку.

– Кого? А... Господи! В смысле преподавателя? Давай.

– Ну да. Учителя.

Глава 4

Учебный день прошел быстро. И вечером мы снова собрались у Динэль. Дима опаздывал. Ему простительно – он же на свидании с Таней.

– Привет, Динон! Как ты? Мама? Твой Сергей? Стена в туалете? – спросила я. Лиса пошла в комнату смотреть сериал.

– Привет. Я – хреново, бросил Сергей. Не захотел помогать. Мама в ужасе от стены. Стена чувствует себя нормально после вчерашней «операции». Как вы?

– Я ничего. Лиса сегодня узнала значение одного нового слова и словосочетания. То есть все отлично. А ты не переживай. Плюнь на Сергея, маму отпоим «Корвалолом», а стену чем-нибудь закроем.

– Спасибо. Утешила. Со всем согласна, но только чем закрыть стену? Кафелем нельзя!

– Давай закроем цветным картоном.

– ?!

– Да, да. А какой выход? Нельзя же, чтобы кирпичи торчали. Будет такая себе картонная имитация кафеля.

– Идея. Согласна. Как же это сделать?

– Я картон уже купила. Он у меня с собой.

Мы заклеили стену. Получилось не очень-то и страшно.

– Дин, я тебе скажу, что так даже лучше стало.

– У тебя врать не выходит, Ника.

– Я серьезно. Вот раньше ты все время придумывала какие-то тесты парням, проверку на прочность, на искренность

устанавливала. А теперь? Ничего выдумывать не надо. Познакомилась. Привела домой. Он увидел стену в туалете. Отказался менять трубы и кафель – значит мудак. Не отказался – совет вам да любовь!

– Дина, знаешь, а Ника ведь права! Тебе не нужен дурак незаботливый, – подошла Лиса.

– Спасибо вам.

Звонок в дверь. Явился Дима.

– А мы уже все без тебя сделали! – сказала Лиса.

– Гад, ты что же, прокосить решил?!

– Еле сбежал от этой дуры! Кошмар. Дайте воды. И таблетку от головной боли. Две!

– Она познакомила тебя со своими родителями?

– Да, Лиса, да!

– Что в этом плохого?

– То, что она и ее родители идиоты! Сейчас... выпью таблетку и все расскажу.

Дима запихнулся двумя таблетками, залился водой и бухнулся на диван. Минуты две он ползал по нему, хватался за голову. Вскоре немного успокоился и начал рассказ:

– Встретиться договорились в кафе. Хорошее кафе... было до этой встречи. Пришла быстро. Не опоздала. Спрашиваю:

– Что заказывать будешь?

Она так пожеманничала, поломалась, глазки десять раз позакатывала.

– Дим, твои глазки? Позакатывала в асфальт? Если десять раз, то ты герой. Столько продержаться! – перебила рассказ я.

– Нет, Ник! Свои глазки. Мастер иронии наш! Где ты видела асфальт в кафе?

– Идиотище, это было единственное логическое объяснение того, что ты от нее сбежал!

– А вот и не единственное! Да, я – санитар мегаполиса. Да, от этого не деться никуда! Как мерзко и гадко оправдывать свое прозвище... Слушайте дальше:

Поломалась, поломалась... Говорит:

– Я буду Кироженное со сгущенкой, корзинку со сливочным крЭмом. Ну, и бутылку коньяка.

– Лиса, это твоя знакомая? Тоже буквы в словах путает! – смеясь, сказала Дина.

Дима продолжил:

– Меня, конечно, немного смутил заказ, но мне Таня все равно казалась не совсем... того. Подумал: сложно найти девушку, которая не пьет, а с моим-то счастьем – вообще нереально. Пьянство – ее недостаток, меня тянет на бракованных всяких. Все сходится: я – санитар, она – по адресу, мой клиент. Судьба. Себе заказал пирожное и какао. Нам это все принесли. Таня сразу же схватилась за бутылку. Выпила моментально половину. Начала со мной заигрывать:

– Мы так спартакно с тобой познакомились. У-ух! Я даже не ожидала.

Для тех, кто не понял: спартанно – это спонтанно.

– Я тоже не ожидал, что ты пьешь.

– ЗаЧик, я не пью, а выпиваю. Шоб настроение хорошее было.

Разговаривая, Таня запихивала свои пальцы в мое пирожное, а потом облизывала их. Скажу вам честно, зрелище обратное! Но она, видать, думала, что это сексуально.

– Тань, хочешь, я закажу тебе еще одно пирожное?

– Зачем три Кироженных на одну бутылку коньяка? Два – это Уже много на бутылку. К тому же они вредны для фигуры.

– Хорошо. Тогда отдай, пожалуйста, мне мое.

– Тю! Бери.

Я откусил кусочек пирожного и почувствовал, как что-то сильно хрустнуло во рту. Выплюнул все в салфетку. И увидел, что это был Танин накладной ноготь. Боже! Мне стало так противно... Фу-у-у! Я хотел это все дело запить какао, но увидел в своей чашке плавающие Танины накладные ресницы. Черт! Это капец! Дальше я просто уже сидел и молчал. Ждал, пока Таня допьет коньяк. И дождался все же. Она сказала:

– Пойдем Уже?!

– Куда? Тебе нужно в туалет? Ну, иди в «Ж».

– Ты че? Я говорю, что пойдем Уже ко мне домой.

Я решил ее проводить. Как ни странно, от целой бутылки коньяка она не сильно опьянела. Наверное, у нее нехилый

опыт в этом деле.

Я проводил ее до дверей квартиры. Думал, все мои страдания уже закончились. Сейчас я пойду домой и больше никогда ей не позвоню. Но не тут-то было. Она меня резко впихнула в квартиру и заорала:

– Мамуль, папуль! Идите знакомиться с моим женихом!

В этот момент я чуть не обделался. У меня подкосились ноги, закружилась голова, подкатывала тошнота. Я думал: «Боже! Помилуй меня! Не продолжай эту пытку!» Мои чувства в эти секунды можно было бы сравнить с чувствами таракана, у которого все «входы в его маленький домик, в его крохотную обитель под полом» были засыпаны ядом. И он стоит смотрит, куда же ему пойти, а кажется ему, что он мечется по квартире, по углам. Танина входная дверь была белой. И казалась она мне водопадом тараканьего яда. Господи, я почувствовал, как плохо быть тараканом! А еще хуже быть мной, Димой, потому что таракан хотел войти в дом, а я выйти хочу! У меня ситуация хуже, плачевней, чем у таракана. Мои шизофренические мысли прервал Танин отец:

– Привет, сынок! Мне Таня говорила, что у тебя папа богатый адвокат! Ты нам Уже заранее понравился! Так Шо, давай, хряпнем за знакомство! – сказал Танин папа и улыбнулся. Все его зубы были золотыми. Причем зубы были не все. Их было семь. Я подсчитал.

– А-а-а... извините, мне пора идти домой. Завтра много учебы...

– Та ты Шо! Какой домой!

Ее отец схватил меня за шею и потащил на кухню. Налил мне водки и себе. Заставил выпить. Я же не пил никогда и начинать не хочу! Короче, я эту водку принял на грудь, причем в прямом смысле. Сделал вид, что выпил, а на самом деле вылил ее, как сказать, ну, за воротник. Видите, я мокрый? И от меня воняет! Хорошо, что свитер у меня толстый и рубашка под ним.

– Хорошо пошла! А машина у тебя есть, Шоб нашу Танюху по магазЫнам возить? – продолжал папа.

– Нет. Я же студент еще.

– Тю! А батя твой – Шо, не купил тебе?

– Отец считает, что я на все должен заработать сам. И я с этим согласен. Извините, можно мне отлучиться на пару минут?

– Шо? Куда?

– В туалет.

– Иди. А мы пока нальем.

Я вышел в коридор, стал собирать свои вещи. У меня было такое чувство, что собирал я их со скоростью света! Тихонько приоткрыв дверь, услышал слова Таниного папы о себе:

– Доць, ты Шо! На кой тебе этот без машины! Он же Х... НА БОСУ НОГУ! То есть бедный!

– Па, я тоже так думаю.

В этот момент я так обрадовался, что у меня нет машины, что я им не нужен такой. Но по дороге к вам я все же

выбросил свою SIM-карту, чтоб уж наверняка она меня не нашла. Хотя и обидно, что меня назвали так, однако счастья от освобождения больше. Вот так вот! Извините, что вам не помог, но причина-то, согласитесь, уважительная!

– Где же ты такое сокровище нашел? Где познакомился? – спросила Динэль.

– На фотосъемке. Она была моделью.

– Это была не фотосъемка, а фотосъем. И судя по твоему рассказу, непонятно кто кого снял! – подметила я.

– Согласен. Злорадствуй! Я еще не рассказал про ее маму и маленького брата. Захожу я к ним и вижу: сидит на полу пацан такой маленький, где-то года три, и бьет настоящим тяжелым молотком по деревянной досточке. Шум ужасный! Можете себе представить, да? И мама на тонких «железных» шпильках рассекает по дому. Короче, Dolby Stereo! Я офигел. До сих пор голова разрывается! Дайте мне крепкого чая.

– Сейчас принесу, – сказала Дина и пошла на кухню.

– А вы тут без меня не скучали, я вижу. Кто это придумал заклеить стену в туалете картоном? Ты придумала, «человек с татуировкой в виде шиповника на запястье»?

– Чего это сразу я? Может, это Лиса предложила?!

– Ха! Ник, не смейся меня! Это же ты в детстве «Буратино» пересмотрела! Отпечаток на всю жизнь остался. В общем, я, гений-программист, заклею это все дело дисками! И будет классно! И прямо сейчас пойду за болванками в магазинчик. Здесь есть рядом с домом.

Дима быстро оделся и выбежал из квартиры. В эту минуту пришла Динэль с чаем.

– Куда он делся? Я зря заваривала?

– Почему зря? Я выпью. Дима за дисками в магазин пошел. Придет – все объяснит. Лиса, а ты не хочешь? Чего молчишь? Задумчивая какая-то. Слишком задумчивая. Аж холод по спине от непривычного твоего состояния. Страшно.

– СРашно? Диченки, не, не срашно. Я просто думаю о сРанном слове. В универе дядечка сегодня на лекции его говорил. А какое слово – я не помню! Такое незнакомое, сРанное очень.

– В смысле странное?! Да? – уточнила Динэль.

– Да, такое...

– Лис, там, где мы сегодня были, оно все сРанное очень. А значит, не стоит даже думать об этом.

– Ника, ты вот тоже уже начинаешь! Странное! Неужели сложно?!

– Ну вот, Дин, сейчас нет никакой ошибки. Лиса просто молодец! Подобрать точнейшее слово для характеристики учебного процесса!

– Спасибо. Только я не очень поняла, о чем вы говорите. И слово все равно буду вспоминать, – наморщила лоб Лиса.

– Да ладно... – едва начала я, но внезапно меня перебил влетевший в квартиру Дима.

– Вы не представляете! Я в магазине познакомился с очень красивой девушкой! И она тоже программист. Говорит нор-

мально, одевается нормально, красится нормально.

– Дима, ты выпил две таблетки на голодный желудок! Тебе, наверное, все показалось. А если даже не показалось, то этот кто-то нормально говорящий, нормально одетый и накрашенный – Эдуард, продавец-консультант. И твое слабое зрение здесь ни при чем. Наш Эдуард очень женственный.

– Я тебя сейчас, сестренка, огорчу. Посмотри в окно. Все посмотрите!

Мы посмотрели в окно и увидели девушку, очень даже приятной наружности, стильно одетую. У нее были кудрявые черные волосы. Действительно симпатичная.

– Нет, это все бред. Это нам все кажется, мы же заклеивали стену и надышались клеем. Всего-навсего! Только в этом разгадка происходящего.

– Нет, Дина, мы ее лицезреем. Да, она нормальная. По виду. Я подчеркиваю: по виду. На самом деле, с ней определено что-то не так, что-то очень-очень не так... Дима, скажи, она с тобой познакомилась – или ты с ней?

– Не придирайся, Ника! Какая разница?! Ну, она...

– Вот. Вот! Точно – она с прибабахом. Вы еще вспомните мои слова.

– Почему с прибабахом? Со мной что, нельзя познакомиться?

– Можно, Дима, можно. Но нормальной – нет. Анализируем ситуацию. Вечер. Симпатичный, неглупый Эдуард продает диски. Там еще были парни?

– Были. И что?

– А то, что ты, Дима, вваливаешься вечером в маркет в своей бело-оранжевой куртке из бутика «Антошка». Это правда, я не вру. Мы вместе покупали. А тебе все-таки двадцать! И в черной шапочке, по форме похожей на детское питание. Его продают в картонных треугольничках. А твоя шапочка как раз именно такой формы. В общем, красавец! И она к тебе подходит. Вывод: она извращенка, она тебе не подходит, хоть сама к тебе и подошла.

– Вряд ли она знает, что моя куртка из «Антошки». А несусветные ассоциации по поводу меня возникают только у тебя!

– Не кипятись, лучше скажи: что это за парень с ней рядом? – спросила Дина.

– Сказала, что ее брат Саша. Кстати, мою новую знакомую зовут Надя. Запомните это имя!

– Ага. Даже так. То бишь ты уже на подсознательном уровне чувствуешь, что будет что-то, как всегда, нехорошее. И мы просто обязаны запомнить это имя, дабы у ментов была хоть какая-то зацепка.

– Ника, не в бровь, а в глаз... Только надо записать еще ее адрес и телефон.

– Зря ты, Дина! Может, я влюбился с первого взгляда.

– Зная тебя, мой маленький глазастый несуразный плоскостопик, это невозможно. У тебя вся любовь на уровне Деда Мороза.

– Вот сейчас, Дин, последнюю реплику я заценить не могу, потому что ничего не понял. Ты тоже о том, что я верил в Деда Мороза до двенадцати лет? Но он и любовь – какая связь? Я же в него только верил, я же его не любил!

– Я о том, что Дед Мороз на лыжах изображен даже на твоих трусах... И вся любовь у тебя тоже там.

– Откуда ты знаешь, какие у меня трусы?

– Все знают.

Мы хором кивнули.

– Да, знаем, потому что ты их под самую грудь подтягиваешь. И когда наклоняешься – все видно.

– Оставьте в покое мои трусы. Мы, вообще-то, говорили о Надежде. И о том, что это, возможно, любовь.

– В таком случае у меня стихотворение по поводу. Оно серьезное.

Скільки нас, що вогнем спалахнули,

Та оманливим, надто слабким,—

І почаділи, і не збагнули,

Що вдихаєм не кисень, а дим.

Динэль была довольна своим поэтическим чтением. И гордо села в кресло.

– Объясняю смысл: все у вас закончится сексом, и вы расстанетесь. Какая-то она мутная. Я даже из окна это вижу. Что-то здесь не так. По крайней мере, я до сих пор по поводу

твоих страстей не ошибалась.

– Ладно, ладно, Ника. Уверен, что на этот раз ты ошибаешься. Я с ней созвонюсь, и мы встретимся.

– Диченки, что такое «абетка»? Это что-то по-украински? – внезапно спросила Лиса.

– Ты совсем сейчас нас не слушала, не слышала, не вникала в разговор?

– Дина, я же слово вспоминала! Что это такое – «абетка»?

– Азбука, алфавит. А, Б, В, Г, Д... И так далее. Поняла?

– Да, спасибо, Дина. Только теперь непонятно, зачем для А, Б, В, Г, Д... такое прибацанное название нужно. Сраное название... Абетка, азбука...

– О Господи. Это все долго объяснять. Ты только у преподавателей об этом не спрашивай. Я тебе просто дам книжку почитать об этом.

– Хорошо, Ника.

– А что за книжка? Букварь?? Это книга «про это...», про абетку... – ухмыляясь, спросил Дима.

– Дмитрий, если Вы забыли, я напомним: я и Лиса – филологи, поэтому это будет не Букварь, а какая-то сложная и гадкая муть о становлении алфавита, которую написали якобы умные люди. Которые вместо того, чтобы, например, убрать у себя в квартире, вынести мусор, помыть посуду, сходить в магазин, сделать подарок близким, сидели сутками в библиотеке, рылись рыльцами в источниках знаний, чтобы потом издать свою омерзительно скучную книженцию на пре-

красной бумаге. По ценности не уступающей туалетной – бежевой и быстро рвущейся...

– Это новое слово о науке. Однозначно. Ника, твои родители террористы? Они хотят, чтобы ты стала филологом и подорвала всю грамматическую, синтаксическую, стилистическую систему? А по виду они очень хорошие, вполне респектабельные люди. Так сразу и не догадаешься, что родители твои террористы, угроза обществу.

– Это они меня терроризируют тем, что запихнули в такое заведение. А слова я люблю, речь полновесную, яркую, но преимущественно – свою. Я научных деятелей не люблю. Не всех, конечно, а именно наших преподав. А за идею разрушения системы отдельное спасибо. Отличная идея. Подумаю над этим, Дин. Но, по-моему, мы уже наговорились. Завтра встретимся.

– Может, и встретимся, но не в полном составе, – гордо заявил Димка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.